

— Кто-то идет, — Си Вэньгуй, всё еще лежащий на полу, покосился на окно.

Среди могил показалась робкая, ссутуленная фигура. Заметив в окне домика Вэнь Чжо, человек расплылся в радостной улыбке:

— Вэнь Чжо!

Вэнь Чжо медленно поднялся и привел одежду в порядок, будто ничего не произошло.

— Ты один?

— Вчера было так страшно... Жители погнали меня в лес, я прятался там всю ночь и заблудился, — губы Чжан Юна потрескались, а кожа, и без того смуглая, приобрела землистый оттенок. Было видно, что он не сомкнул глаз. — Ну и смельчак же ты — решился один ночевать на кладбище...

— Не один, — раздался другой голос.

Чжан Юн не заметил, что в хижине есть кто-то еще. Он вздрогнул от неожиданности, но, присмотревшись, узнал гостя:

— Си... Си Вэньгуй?

— Привет.

Чжан Юн заметил багровые следы от пальцев на шее Си Вэньгуя и тут же сочувственно спросил:

— Ты тоже встретил призрака?

Вэнь Чжо: — ...

Он холодным взглядом смерил внезапно объявившегося охранника. Он не забыл, как этот человек пытался подставить его во второй день. Что ему нужно теперь?

Си Вэньгуй улыбнулся:

— Это был очень красивый призрак.

Вэнь Чжо метнул в него ледяной взгляд, но Си Вэньгуй проигнорировал его:

— И очень милый. С такой белой кожей.

— ... — Чжан Юн содрогнулся. Его воображение не дорисовало никаких пикантных картин; он лишь подумал, что «топы» — они и в Африке топы: даже в столкновении с нечистью находят место для эстетики.

Вэнь Чжо развернулся и вышел. Чжан Юн поспешил за ним, а Си Вэньгуй, подхватив свой рюкзак, пристроился в хвосте.

Чжан Юн, словно в приступе внезапного раскаяния, начал извиняться:

— Прости за то утро... Я не специально наговаривал на тебя. Просто был в диком ужасе.

— И что же ты наговорил? — с интересом спросил Си Вэньгуй из-за спины.

— Э-э... — Чжан Юн замялся. — Сказал, что у него кожа белая, как у покойника...

— И то правда, очень белая, — подтвердил Си Вэньгуй.

Вчера Вэнь Чжо лишь слегка ударился о стену, а лопатка уже зацвела жутким синяком. Выглядело так, будто над ним жестоко издевались. На ком-то более смуглом такого эффекта бы не было.

— Вот-вот... — Чжан Юн неловко рассмеялся, ни словом не упомянув о своем коварном желании убедить всех, что Вэнь Чжо — монстр. — Мы сейчас возвращаемся в деревню?

— Возможно.

— ... — Судмедэксперты вообще умеют говорить по-человечески? Чжан Юн повернулся к Си Вэньгую: — А ты куда собираешься?

— Куда он, туда и я, — Си Вэньгуй кивнул на холодную спину впереди.

— Понятно... — Чжан Юн опустил глаза.

Вэнь Чжо действительно шел к деревне, но путь его пролегал мимо того места, где Фэй Юньшэн и остальные скрывались от жителей.

Он как бы невзначай спросил:

— Ду Лин рассказывала, что в ту ночь ты как безумный вцепился в горло Фэй Юньшэну. Что ты тогда увидел?

— Кажется, у меня начались галлюцинации. Я принял его за призрака... — Чжан Юна снова затрясло от воспоминаний. — Ты видел его? Если встретишь, извинись за меня, пожалуйста. Я правда не хотел...

— Если бы извинения помогали, зачем тогда полиция? — небрежно бросил Си Вэньгуй.

На этот раз никто не ответил. Чжан Юн не знал, что сказать, а Вэнь Чжо просто не желал с ним разговаривать.

— Ты так печешься об извинениях... боишься, что сам уже его не встретишь? — Вэнь Чжо остановился и начал осматривать деревья вокруг. — Извиняться нужно лично, иначе в этом нет искренности.

— Я просто чувствую... что могу не пережить этот инстанс... — Чжан Юн покосился на рюкзак Си Вэньгуя. — Я почти ничего не ел эти дни. Это не игра, а какой-то ад для людей... Я до сих пор не понимаю, что творится в этой деревне. Как думаешь, мы выберемся отсюда живыми?

— Насчет тебя не знаю, а он точно выберется, — снова влез Си Вэньгуй.

— ... — Чжан Юну оставалось только кивнуть. — Вэнь Чжо очень способный... А на что ты смотришь?

— На деревья, — лаконично ответил тот.

Этот участок леса был ближе к деревне, в отличие от внешнего кольца у кладбища. Заглянув в густой кустарник, можно было заметить остатки разрушенных строений, наполовину ушедших в землю. Значит, когда-то деревня Лицзя была больше, или рядом жили другие люди, но со временем всё пришло в упадок и заросло лесом.

Местные деревья по размеру не уступали тем, что были в глубине, но по состоянию коры и подлеску было ясно: этот лес намного моложе внешнего.

— Так ты уже понял, в чем секрет этой деревни? — Чжан Юн жаждал знаний. — Я до сих пор как в тумане...

— Работоторговля, незаконное лишение свободы, изнасилования, истязания... — Вэнь Чжо внезапно замолчал, о чем-то задумавшись. — Ты часто смотришь порно?

— ...Чего?! — Чжан Юн ошарашенно уставился на Си Вэньгуя: услышать такое от человека с

лицом «ледяного принца» было шоком.

— Это он тебя спрашивает, — Си Вэньгуй развел руками. — Уж точно не меня.

— Ну... бывало...

— Что тебе больше нравится: реальное видео или анимация?

— Ха... — Чжан Юн стало невыносимо неловко, словно в его грязные секреты бесцеремонно влезли. Его внешность была посредственной, рост — низким, денег в семье не водилось, так что в свои сорок с лишним лет он довольствовался лишь экраном и собственной рукой. — Наверное, анимация... там границы дозволенного шире.

Обсуждать такое с Вэнь Чжо было сюрреалистично.

— Любишь пожестче? Групповое? Обмен партнерами? — Вэнь Чжо, казалось, был неплохо осведомлен в терминологии. Он резко сменил тон: — А если бы перед тобой разыграли это живую, было бы больше «чувств»?

Чжан Юн готов был провалиться сквозь землю. С одной стороны — жгучий стыд, с другой — невольно всплывшие воспоминания... Сплетение тел — лучший катализатор. Ощущение кипящей в жилах крови вызывало зависимость.

— На... наверное... — он сглотнул, стараясь отогнать мысли. — Почему ты вдруг об этом заговорил?

Потому что Вэнь Чжо внезапно понял истинный смысл побочного задания «Театр теней». Его работа подразумевала столкновение с самыми омерзительными делами. Извращенцев в мире гораздо больше, чем принято считать. Просто они не пишут об этом на лбу. Это может быть приличный клерк в дорогом костюме или случайный прохожий на перекрестке... За человеческой кожей часто скрываются такие фантазии, от которых нормального человека стошнит.

Но Вэнь Чжо не стал отвечать. Он решил, что ему нужно найти «Лу Сяннаня».

Не теряя времени, он вернулся в деревню и увидел старосту Ли, который укладывал дрова на площади.

Чжан Юн нервно спросил:

— Что это он делает?

Староста неожиданно ответил:

— Готовим праздничный обед на всю деревню.

В деревне не было ни овощей, ни риса, все выходы были перекрыты лесом. Неясно было, где староста собрался брать продукты для «обеда».

Вэнь Чжо мельком глянул на SAN остальных игроков и нахмурился.

— Староста, вы не видели моего друга? Толстяка такого.

По идее, Лу Сяннань убил множество жителей, и староста должен был отреагировать. Но тот лишь безучастно махнул рукой в сторону, не меняясь в лице.

Вэнь Чжо спросил:

— Вчера ночью было какое-то событие? Я видел, что все жители вышли на улицу.

На лице старосты промелькнуло мгновение пустоты и оцепенения:

— Ничего... Просто гуляли.

Вэнь Чжо понял: дневная память жителей отличается от ночной. Днем они помнят факты своих действий, но не осознают их истинной цели, сохраняя облик «нормальных людей». А ночью к ним возвращается осознание того, что они мертвы, и просыпается жажда охоты на чужаков.

Дров на площади становилось всё больше, жители несли стулья и скамьи — типичная картина деревенского пиршества. Похоже, кто-то был в большой опасности.

Что важнее: истина или человеческая жизнь? В обычной жизни ответ очевиден. Но в этом безумном инстансе от истины зависело их собственное выживание.

— Ищи остальных. Я найду Лу Сяннаня.

Си Вэньгуй перевел взгляд с Чжан Юна на Вэнь Чжо:

— Я?

— А кто еще?

— Ты отвечал на каждую его реплику, — пожаловался Си Вэньгуй. — А меня игнорируешь.

Вэнь Чжо вспомнил, что не ответил на фразу про полицию. Он повернулся и серьезно подтвердил:

— Ты прав. Извинения не имеют никакого смысла.

Си Вэньгуй: — ...

Они оба проигнорировали Чжан Юна. Вэнь Чжо направился туда, куда указал староста. Несмотря на риск лжи, это было лучше, чем искать вслепую.

К его удивлению, Лу Сяннань действительно был там. Он стоял по пояс в ручье, яростно оттирая себя от грязи. На прибрежном камне висела насквозь пропитанная кровью рубашка, её нижний край полоскался в воде, окрашивая поток в розовый цвет.

— Как мне называть тебя? Вэнь Цяо?

«Лу Сяннань» не обернулся. Он продолжал мыться. Лишний жир мешал ему нагибаться к воде, и в конце концов он обреченно уселся на камень.

— Моё тело не было таким, — заговорил он. — В нем не было столько жира, я занималась спортом. Только будучи выносливым, можно твердо держать скальпель и спасать жизни.

Женский дух, вырезавший деревню и занявший тело Лу Сяннаня, действительно был сестрой немой вдовы — Вэнь Цяо.

Тело Лу Сяннаня выглядело отталкивающе — избыток плоти делал его сальным и неопрятным. Но обнаженный торс был покрыт шрамами. Помимо багровой полосы на шее, которую Вэнь Чжо видел раньше, по всему телу тянулись старые и свежие рубцы. На запястьях были такие же глубокие следы, въевшиеся в мясо, как и на шее.

Спина была исполосована следами от плети. Раны едва затянулись и, видимо, сильно зудели — они были расчесаны до крови. Стало ясно, почему Лу Сяннань, вернувшись после исчезновения, постоянно чесал спину.

— Все эти раны... ты перенесла их при жизни?

— Твой муж... — Вэнь Цяо в теле толстяка запнулась. Она ответила невпопад, с пугающим для призрака спокойствием: — Твой друг очень колючий. Но его шоколад пахнет чудесно. Могу я попросить одну плитку? Эти лепешки такие черствые, у них нет вкуса.

— Могу обменять на билет, — добавила она.

Вэнь Чжо впервые за долгое время был по-настоящему поражен. У Вэнь Цяо в руках был «Билет на отказ от голосования»!

— Ты знаешь, что это такое?

— Разумеется, — Вэнь Цяо нежно улыбнулась, отчего жир на лице Лу Сянняня собрался в складки. — Я видела сотни таких, как вы. Поначалу я была ужасна... убила многих. Потому что ненависть была слишком велика...

Ненависть к этим тошнотворным жителям. Ненависть к «виновным», которые совершили преступления, но вместо наказания получили шанс на новую жизнь через Поезд. Они все заслуживали смерти.

И она снова и снова бралась за нож, снова и снова вдыхала запах брызжущей крови... Только так эта бездонная ярость находила выход.

Вначале выживаемость на станции Лицзя была почти нулевой. Но однажды она пришла в себя. Спустя бесчисленное множество циклов она оцепенела. Жители, которые раньше в ужасе бежали от неё по ночам, тоже оцепенели. Они перестали молить о пощаде и молча принимали смерть.

Но за все 143 раза ни один из них не признал своей вины. Ни один не раскаялся искренне.

Вэнь Цяо устала. Сначала она думала, что это кара для жителей, но постепенно поняла, что этот бесконечный цикл наказывает её саму. Страдала лишь она, а грешники оставались неисправимы.

Сколько бы мук они ни терпели ночью, днем, лишившись памяти о смерти, они снова источали злобу к чужакам. Особенно к женщинам. Это зло въелось в их души, оно стало инстинктом.

Из обрывочных слов Вэнь Цяо Вэнь Чжо понял: это не просто инстанс. Всё, что произошло в деревне Лицзя, было реальностью. Те измученные женщины в погребках были живыми людьми из плоти и крови.

Вопросов оставалось много, но он не знал, с чего начать.

Вэнь Цяо смотрела вдаль и низким, грубым голосом Лу Сянняня начала напевать ту самую детскую песенку:

— Из переулка слышны гонги и барабаны, невеста в театре теней верна... Он в маске, она в вуали, при виде его она застыла в смущении, а жители у костра смеются: ха-ха-ха...

Почему невеста в «театре теней» верна?

Потому что, как и Чжао Сяовэй в ту ночь, она была связана, лишена воли и не могла бежать. Она была марионеткой.

Почему он в маске? Потому что под маской скрывались разные люди.

«Умоляю... отпустите меня... я буду послушной... умоляю...»

Она брыкалась, рыдала и молила о свободе, но всё было тщетно. В какой-то момент она перестала просить их отпустить её домой.

Тот день был их так называемым «свадебным подарком». После того как её силой заставили поклониться небу и земле, её должны были отправить в опочивальню. В отчаянии она не знала, что худшее еще впереди.

Опочивальня была не для неё и одного мужчины.

Туда пришли многие — грязные, омерзительные, ничтожные.

Её заперли за ширмой для театра теней. Каждый, кто входил, надевал маску. Маски были одинаковыми, но она знала — это разные люди. Потому что каждый раз, когда очередной ублюдок заканчивал, жители снаружи, наблюдавшие за тенями на ширме, начинали гоготать и заставляли её гадать: кто же это был на сей раз? Ли Третий? Ли Четвертый? Или её так называемый «муж» Ли Дэпэн?

Она не выдержала, и её вырвало прямо на одного из них. Он разозлился и сказал, что «непослушную невесту нужно наказать». Так на её шее появилось ярмо, а запястья стянули грубые веревки, лишив последней возможности сопротивляться.

Возможно, прошло слишком много времени, или она действительно выгорела дотла — Вэнь Цяо рассказывала это абсолютно спокойно.

Но за всё время она ни разу не упомянула свою сестру, Вэнь У.

Ту самую сестру, которая так отчаянно пыталась её спасти и в итоге стала немой.

Вэнь Чжо внезапно спросил:

— Почему Вэнь У тоже осталась здесь?

Лицо Вэнь Цяо мгновенно исказилось. На застывшем жирном лице Лу Сяннаня наконец проступило истинное обличье демона. Она впала в неистовство. Скрежеща зубами, она процедила каждое слово:

— Не смей... поминать... её!

<http://bllate.org/book/17594/1635286>